

Василий Чернышев¹

**СЕРЕБРЯКОВА
ЗИНАИДА ЕВГЕНЬЕВНА.
СЧАСТЬЕ, ТРАГЕДИЯ.
ЗАБВЕНИЕ И СЛАВА**

Счастье

Зинаида Лансере появилась на свет в декабре 1884 года в родовом имении Нескучное Курской губернии.

Её мать Бенуа-Лансере Екатерина Николаевна (1850, Санкт-Петербург — 1933, Ленинград) была художником-графиком и происходила из рода потомственных франко-итальянских художников и архитекторов: дочь архитектора Николая Леонтьевича Бенуа, старшая сестра архитектора Леонтия Николаевича Бенуа, художников Альберта Николаевича и Александра

Зинаида Серебрякова
(1884–1967)

Николаевича Бенуа; в 1874 вышла замуж за скульптора Евгения Александровича Лансере, которому помогала в работе. Член-учредитель Первого дамского художественного кружка (1882). Мать художников Евгения Евгеньевича Лансере, Зинаиды Евгеньевны Серебряковой, архитектора Николая Евгеньевича Лансере.

«(Катя) ... возбуждала во мне какое-то особое чувство, которое я не знаю как назвать иначе, нежели как словами “художественный восторг”. Катя считалась вообще очень хорошенькой, я же в ней видел прямо-таки свой идеал.

---

¹ **Чернышев Василий Иванович** — поэт, прозаик, критик, редактор родился в Сибири. Окончил математико-механический факультет Ленинградского гос. университета. Член Союза писателей России. Главный редактор «Нового русского журнала». Лауреат третьей премии III Международного конкурса «Серебряный голубь России 2017». Живёт в Санкт-Петербурге.

Копировали обе мои сестры, а Катя даже до того успела в этом, что копировала на заказ в Кушелевской галерее картины разных сладковатых художников середины XIX в., иногда же она решалась пробовать свои силы и на передаче картин более трудных. Знаменитая в те дни “Украинская ночь” Куинджи (это было, когда Катя была уже замужем) прогостила у Лансере года два, не то потому, что собственник “Ночи” пожелал иметь дубликат, не то потому, что сама Катя пожелала “поучиться” на таком образце» (Александр Бенуа. «Мои воспоминания»).

Отец Зинаиды Евгений Александрович Лансере прославился как скульптор-анималист. Он умер, когда девочке едва исполнилось два года.

Дяди, старшие братья, друзья дома Лансере — все занимались живописью и увлекались рисованием.

Первыми вдохновителями и учителями Зинаиды были дядя Шура — художник и художественный критик Александр Николаевич Бенуа (1870–1960), младший сын, самый известный из детей Николая Леонтьевича — художник, историк искусства, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства», автор книги «Мои воспоминания», и дядя Берта — художник, архитектор и академик Альберт Бенуа.

Преемственность великой династии художников и творческая атмосфера в доме Лансере (тёплые и беззаботные семейные посиделки, домашние спектакли, чтение вслух и игра на фортепиано в кругу родных и друзей дома) определили личность и судьбу девочки. Она с детства приучилась к тому, что рисовать и писать кистью — это так же естественно, как и дышать.

Зимовали в большой квартире деда архитектора Николая Леонтьевича Бенуа в Санкт-Петербурге неподалёку от Мариинского театра, а на лето отправлялись в любимое Нескучное.

Николай Леонтьевич Бенуа (1813–1898) — один из наиболее выдающихся архитекторов второй половины XIX столетия, сочетавший в творчестве таланты выдающегося архитектора и отменного графика. Основатель художественной династии Бенуа-Лансере-Серебряковых.

Первые шаги Серебряковой на поприще живописи связаны с пейзажами — видами Курской губернии, где находилась родительская усадьба Нескучное. С ранних лет Зинаида помогала крестьянам собирать урожай в поле и в саду, поэтому и рисовать начала природу.

В 1900 году Зинаида выпустилась из женской гимназии и поступила в петербургскую Академию художеств, учёба в которой

будущей художнице не нравилась. Скоро она сменила Академию на художественную школу известной меценатки княгини Марии Тенишевой, а затем стала посещать мастерскую знаменитого портретиста Осипа Браза. Познакомившись с талантливой художницей Анной Остроумовой-Лебедевой во время путешествия по Италии в 1902–1903 годах, Зинаида Лансере окончательно перестала сомневаться в правильности выбранного пути — она решила заниматься живописью самостоятельно, без участия более опытных наставников.

Замуж Зинаида вышла за своего двоюродного брата Бориса Серебрякова — сына сестры отца. Православная церковь подобные союзы не поощряла, поэтому требовалось специальное разрешение. И всё же в 1905 году нашёлся священник, который *уладил* дело.

Сразу после свадьбы молодые отправились в Париж, где начинающая художница стала брать уроки живописи в легендарной Академии де ла Гранд Шомьер. Однако Серебрякова хотела вернуться в Нескучное — только там она чувствовала себя по-настоящему счастливой. «...*Полная простота, почти убожество, почти тоска и уныние, и всё же счастьем жизни веет от этой комнаты, и в ней ведёт свою игру, резвится и смеётся ласковая молодость*», — писал Александр Бенуа об атмосфере деревенского быта в имении.

В имении Серебряковы стали родителями: в 1906 году родился первенец Евгений, через год — второй сын, Александр. Борис работал инженером путей сообщения и по долгу службы пропадал в командировках порой по полгода. Художница в это время воспитывала детей и неустанно работала — одна из самых известных её картин этого периода — этюд «Уборка хлеба», где крестьянки дружно трудятся в поле в ярко-красных и синих сарафанах и кипенно-белых рубахах.

Эта картина сделала её знаменитостью.

«Я решила остаться с детьми в Нескучном... Мой муж Борис Анатольевич был в командировке, зима в этот год наступала ран-

Портрет Бориса Серебрякова.
1913. Частное собрание

Девушка со свечой. 1911 г.
Государственный Русский музей,
Санкт-Петербург

За туалетом. Автопортрет.
1909. Государственная
Третьяковская галерея,
Москва

няя, всё было занесено снегом — наш сад, поля вокруг, всюду сугробы, выйти нельзя. Но в доме на хуторе тепло и уютно, и я начала рисовать себя в зеркале...» — вспоминала она потом.

Брат Серебряковой, Евгений, написал ей, что скоро в Москве откроется выставка «Мир искусства» и ей непременно нужно что-нибудь выставить, — она послала две работы: «За туалетом» и «Зеленя. Осенью» (1908). Работы Серебряковой получили хвалебные отзывы критиков и живописцев и вскоре были приобретены Советом Третьяковской галереи. «Автопортрет Серебряковой, несомненно, самая радостная вещь... Здесь полная непосредственность и простота: истинный художественный темперамент, что-то звонкое, молодое, смеющееся, солнечное и ясное ...» — вспоминал Александр Бенуа.

В своих работах Серебрякова предпочитала изображать природу, невинные детские игры, красивое и здоровое женское тело. Последнему она посвятила ещё одну монументальную картину — «Баня» (1913), в центре сюжета которой банный день крестьянок, пишет критик. Но крестьянок ли? Мир её Природы *не только объективен*,

в центре его Зеркало, что и делает изображение природы столь возвышенно субъективным и привлекает внимание зрителя.

Родились ещё двое детей — девочки Татьяна и Екатерина. Одна из её самых известных работ этого периода — портрет детей «За завтраком» (1914). Мирная домашняя сцена на картине контрастировала с надвигающейся на Россию бедой — в это время уже шла Первая мировая война.

За завтраком (За обедом?). 1914.

Государственная Третьяковская галерея, Москва

Но Зеркало отгораживает семью художницы и её дом от действительности и утверждает, охраняет её домашнюю счастливую жизнь от того будущего, когда Зеркало, возможно, разобьётся.

Однако это будущее уже в настоящем, посмотрите, как серьёзны и тревожны лица детей!

Почти фламандская неподвижность (внутри которой, может быть, и таится динамика), но чисто русская неуверенность, предчувствие роковых перемен. И они не заставили себя ждать слишком долго...

Трагедия

Грянула роковая Революция, погубившая такое великое множество народа и саму Россию, революция, которую до сих пор многие восхваляют. Невзирая на отсутствие материалов для работы и *жизнь впроголодь*, художница продолжала трудиться. В этот период она создала одну из самых своих известных картин — «Беление холста» (1917).

Обыденная крестьянская работа на её полотне превратилась в ритуал, а образы крестьянок получили классическую статность, плавность движений.

В этих женщинах, по замыслу Серебряковой, заключена душа вечной России. За счёт низкого горизонта и величавости фигур они скорее похожи на античных богинь, чем на работниц в поле.

Революция 1917 года застала Серебрякову в родовом имении Нескучное — рухнул спокойный устоявшийся усадебный быт, надежды на выставки за рубежом, каникулы на крымском побережье. Соседние имения разорялись восставшими крестьянами — *находиться в Нескучном тоже уже было небезопасно*. Рухнул дворянский и Пушкинский (христианский) миф о взаимной любви рабов и рабовладельцев, миф о Савельиче, барышне-крестьянке, сельской идиллии, пейзажах и Дубровском, подобии средневекового Робин Гуда. Новое время воскрешало Пугачёва, только в ещё более страшном обличье, с Хлопушей в кожаной куртке и с маузером на боку.

Беление холста. 1917.

Государственная Третьяковская галерея, Москва

Окрестные крестьяне, правда, любили приветливую молодую женщину, часто рисовавшую их прямо в поле, куда она с мольбертом приходила даже раньше их. Однажды они пришли к ней в дом, уговаривая её уехать из хутора, так как оставаться в нём с детьми было опасно. Если бы у нас было оружие, говорили они, мы бы вас защитили, но у нас нет оружия.

Борис уехал в командировку в Сибирь, потом отправился в Москву, куда его пригласили в качестве специалиста по дорожному строительству. Почта работала плохо, писем от мужа художница практически не получала.

В отчаянии она писала брату Николаю: *«...я здесь в безумном беспокойстве — вот 2 месяца, что не имею ни строчки от Бори, это так страшно, что я с ума схожу. В августе он писал часто, и письма доходили, а с 28-го никаких известий нет»*.

В начале 1919 года из Оренбурга, наконец-то, приехал Борис Серебряков, перевёз семью из Нескучного в Харьков и снова отправился на поиски работы. В марте этого же года он умер у художницы на руках от сыпного тифа — заразился по пути домой из командировки. Серебрякова овдовела в 36 лет, как и её мать. Её мужу было 39 лет, как и отцу художницы, когда тот умер.

Началась другая жизнь в голодном Харькове — теперь, с четырьмя детьми на руках, ей не на кого было полагаться. Писать в это время было тяжело, но Зинаида нашла в себе силы взяться за уголь и карандаш: масляные краски стали непозволительной

роскошью. В это же время до семьи художницы дошла весточка из Нескучного — родовое имение разорено и сожжено.

Серебрякова взялась рисовать таблицы исторических находок для археологического музея при Харьковском национальном университете, что позволяло хоть как-то прокормить детей и мать. В это время художница написала своё самое мрачное произведение «Карточный домик» (1919 года) — на холсте изображены её осиротевшие дети. Карточный домик, который они строят, рассыпается, как рассыпался мир *Бенуа-Лансере-Серебряковых*, Зинаиды Гиппиус, Мережковского, Бунина, Ходасевича, Марины Цветаевой, Иванова-Разумника.

Остаться в Харькове стало невозможно — не было ни заказов, ни поддержки близких. В декабре 1920 года художница решила перевезти семью в Петроград — осели на Никольской улице, в квартире деда Николая Бенуа.

«Поселились в трёх комнатах, поставили “буржуйку”. В остальных комнатах приходилось ходить в пальто. Под мастерскую была отведена небольшая комната с балконом, её легче было отопить», — вспоминала дочь художницы Татьяна Серебрякова.

«Ах, так горько, так грустно сознавать, что жизнь уже позади, что время бежит, и ничего больше, кроме одиночества, старости и тоски, впереди нет, а в душе ещё столько нежности, чувства. Я в отчаянии, всё так безнадежно для меня. Хотя бы уехать куда-нибудь, забыться в работе, видеть небеса, природу» (Письмо Серебряковой к Галине Тесленко, Петроград, 28.02.1922).

Большевицкая власть хоть и не отобрала квартиру, но подселила в комнаты — к счастью, искусствовед Сергей Эрнст и художник Дмитрий Бушенин — неразлучные друзья и оба страстные балетоманы. Старшая дочь Татьяна начала посещать балетные занятия в Мариинском театре, и у Серебряковой появилась серия балетных сцен, намеченных пастелью. Её юные танцовщицы, готовящиеся к выступлениям, невесомы, невинны, грациозны и в то же время серьёзны. И здесь снова появляется Зеркало.

Балетная уборная.
Снежинки. 1923.

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Но в 1924 году Серебрякова окончательно осознала, что в Советской России у неё нет ни перспектив, ни надежды обеспечить семью. Единственная возможность хоть как-то существовать — писать портреты на заказ, но это случалось редко. Художница решила, что выход один — ехать во Францию и работать там. В Париже уже жил дядя Зинаиды Александр Бенуа.

Франция. 1924–1957

«Если бы Вы знали, дорогой дядя Шура, как я мечтаю и хочу уехать, чтобы как-нибудь изменить эту жизнь, где каждый день только острая забота о еде (всегда недостаточной и плохой) и где мой заработок такой ничтожный, что не хватает на самое необходимое. Заказы на портреты страшно редки и оплачиваются грошами, проедаемыми раньше, чем портрет готов» (Александр Бенуа. Петроград, 1923 год).

В России художница оставила 74-летнюю мать и всех детей: Женю, Сашу, Тату и Катю — их советская власть не отпустила с матерью. Серебрякова рассчитывала уехать на время, но судьба сложилась так, что в эмиграции художница провела больше половины жизни — 43 года.

Зарабатывать деньги живописью в Париже оказалось непросто: публика становилась всё равнодушнее к творчеству художницы — не было денег на квартиру и мастерскую, порой даже нечем было заплатить натурщикам. «На пятки наступал авангард...» — но в этом ли дело? Разве Стравинский мешал Рахманинову?

В 1925 году Серебряковой с помощью дяди Александра Бенуа удалось добиться выезда в Париж младшего сына Александра, а в 1928 году — младшей дочери Екатерины.

В Париже Серебрякова дружила с семьёй Бенуа, художниками Константином Сомовым и Дмитрием Бушеном, искусствоведом Сергеем Эрнстом. Лето проводила во французской Ривьере, Провансе, Бретани, ездила к родственникам в Англию и Швейцарию, вновь посетила Италию. Для экономии снимала только дешёвое деревенское жильё.

В 1928 году удача улыбнулась художнице. После выставки «Старое и новое русское искусство» в Брюсселе она получила предложение от бельгийского барона Броуэра написать портреты членов его семьи. Затем барон оплатил два её путешествия в Марокко в 1928 и 1932 году с условием — после возвращения художницы он выберет из её марокканских этюдов те, что ему понравятся.

Марокко. 1932. Бумага, пастель. Частная коллекция

Александр Бенуа: *«Пленительная серия марокканских этюдов, и изумляешься, как в этих беглых набросках (производящих впечатление полной законченности) художница могла так точно и убедительно передать душу Востока».*

Серебрякова ответила: *«Меня поразило всё здесь до крайности. И костюмы самых разнообразных цветов, и все расы человеческие, перемешанные здесь, — негры, арабы, монголы, евреи (совсем библейские). Я так одурела от новизны впечатлений, что ничего не могу сообразить, что и как рисовать».*

Художница организовала парижскую выставку своих марокканских работ, которая собрала множество восторженных отзывов, но продать ничего не удалось. Не удивительно: её душа отражалась в другом зеркале, заглянем в её мир и к ней в душу.

Денег, по-прежнему, не хватало, хотя дети Серебряковой тоже работали, не покладая рук: Саша делал декорации для кино, а Катя мастерила восковых кукол. Но в России её детям и матери было ещё хуже. Они всё время недоедали, квартиру возле Мариинского театра, в которой жили четыре поколения семьи Бенуа, «уплотнили» — теперь они втроём ютились в одной комнатухе. Но матери её было ещё хуже... Но не будем растравлять сердце, русскому народу в СССР было ещё хуже, но, может быть, и поделом...

Портрет Кати. 1934

Вплоть до 1940 года Серебрякова оставалась гражданкой СССР, надеясь на воссоединение с семьёй. Но во время оккупации Франции фашистами ей грозил концлагерь за связь с СССР. Чтобы получить нансеновский паспорт — международный документ, удостоверяющий личность беженца, — ей пришлось отказаться от советского гражданства. А это означало прекращение переписки с родными, оставшимися в Советской России. В 1957 году постоянный представитель СССР при ЮНЕСКО и посол СССР во Франции передали художнице предложение от правительства вернуться «домой». Но Серебряковой было уже за 70, и она практически не писала. На переезд художница не решилась.

В мае 1960 года её старшей дочери Татьяне разрешили (кто — Бог разрешил? О, времена, о нравы! — разрешил, вообще говоря, Хрущёв — которого за то ли ненавидит русский народ, что он якобы виноват в крушении СССР в 1990 году и в том, что способствовал превращению России из ТЮРЬМЫ в некое подобие нормальной страны?) посетить мать в Париже после 36 лет разлуки!

Татьяна к тому времени уже стала известным театральным художником во МХАТе. После свидания она обратилась в правление Союза художников СССР с просьбой организовать выставку произведений матери на родине. И вскоре в скромную парижскую квартиру Серебряковой с важной миссией приехали влиятельные советские художники — отобрать работы для персональной выставки в СССР.

Выдающаяся художница не верила происходящему, хотя собственноручно набивала подрамники и осторожно прикладывала к ним картины. Ведь долгие десятилетия до её живописи никому не было дела. Не верила она и тогда, когда работы были отправлены на родину, когда уже была готова афиша к выставке. Художница боялась не оправдать ожиданий, боялась, что её найдут скучной и банальной.

В 1965 году открылись сразу три её выставки — в Москве, Киеве и Ленинграде; подготовка к ним заняла пять лет. Зинаиде Серебряковой было уже за 80, и она ждала вестей о реакции публики. И дождалась. Успех был оглушительным. Забытая, она стала знаменитой. Музеи скупали её картины, а альбомы выпускались миллионными тиражами. Наконец-то её картины увидели те, кто только слышал о ней. Но разве это отменило Разлуку длиною в полжизни — разлуку с детьми, с матерью, с Россией?

Мистерия и жизнь

Зинаида Серебрякова — великая русская художница, при этом она художница народная. Талант она получила от родителей, которые его получили от своей первой родины — Италии, судьбу она получила от России. Судьба её была горестной, но одинаковой со всем тем в русском народе, что в нём было честного, духовного, талантливого, справедливого.

Зинаида Серебрякова прожила трудную жизнь, была *счастлива и признана в её начале*, вкусила немного счастья и достаточно славы даже в конце, и была она человеком мягким и прощающим несправедливости, из всех её картин льётся свет, даже *печаль*, которую окутаны лица её детей — *светла*. Она никого не осуждает. И я думаю, что в основе её творчества нечто загадочное, она — бессознательный мистик. И хотя я мистик сознательный, но в своём мистицизме мы сходимся, и неудивительно, что мы прикасались друг к другу, как прикасаются иногда корни кустарников и ветви деревьев. Она оказала большое влияние на мою жизнь. Я был на её выставке 1965 года в Ленинграде в Академии художеств, но это ещё не всё. На эту выставку я пригласил свою знакомую, как и я, студентку университета, в течение трёх лет перед этим мы не встречались, и моя суровая подруга сказала моим друзьям, что она во мне разочаровалась и думает, что *ничего хорошего из меня уже не выйдет*. Картины Зинаиды Лансере нас примирили, да я ещё принёс с собой томик стихов Марины Цветаевой, и прямо с выставки мы пошли в Загс... ну, не совсем... мы решили обвенчаться... И так с тех пор она хотя во мне иногда и разочаровывается, но терпит. Но это ещё не всё.

Через три года была ещё одна выставка художницы, мы снова внимали музыке небес, и так как в душе моей сияли чувства признательности и любви к прекрасной художнице и её детям, то ночью она мне приснилась (хотя в это время её уже не было в живых) и сказала, чтобы я утром ехал в город и искал от неё подарок в знак её добрых ко мне чувств. И я отправился в город, исходил и изъездил его вдоль и поперёк, ближе к полуночи возвращался на трамвае, расстроенный, а подарка ещё не нашёл. В тамбуре стоял мужичонка с пакетом старых газет и затрёпанных книжек, как оказалось, он хотел эту связку продать за 11 копеек, чтобы выпить полкружки пива, и душа его тоже уже изнемогала. В 90-е годы я эту историю уже описывал и напечатал в журнале «Мъра», поэтому буду краток.

Я понял, что больше мне уже ничто *не светит*, отдал мужичку единственные 11 копеек, выскочил из трамвая и в ближайшей

подворотне разорвал пакет. Там оказался гимназический Альбом, принадлежавший Мусе (Марии Лансере), в нём были две акварели (Муся и Зины) и множество рисунков и стихов их гимназических друзей и подруг и даже их великих родственников Бенуа и Лансере.

Альбом этот позже побывал на выставке Зинаиды Серебряковой в Русском музее, я его дарил выдающемуся коллекционеру живописи Серебряного века М.А. Гневушеву, получил его назад, терял, нашёл... и вот теперь присоединю к своей статье те самые две акварели.

«ДЕВИЧИЙ» АЛЬБОМ НАЧАЛА ВЕКА

Муся Лансере (1900)

Зина Лансере (1900)

Евгений Лансере (?) 1900 (Альбом)

Автопортрет. Карандаш. 1900

Зинаида Лансере — зеркало нашей души, но всеобщей жизни, и тем более изнанки жизни, в её творчестве нет. Может быть, она зеркало не нашей души, а только своей и своей семьи? И это не умаляет её творчества, есть множество субъективных философий, в которых философ или художник всматривается внутрь

себя и в самом себе находит ответы на наши общие вопросы, таков метод рассуждений Сократа и Платона, иногда Достоевского, даже часто Солженицина, и у живописцев таков метод Левитана, Куинджи, Малевича, а у композиторов — Баха и Бетховена. Я постигаю наш общий мир точно так же, только не могу понять природы зла — но зла в картинах Зинаиды Лансере нет.

Она смотрит на мир в зеркало, в котором этот мир должен отражаться, но отражается преимущественно сама художница, даже когда она создаёт портреты других людей. Вот, например, портрет Анны Ахматовой, я был сначала в недоумении, кого она изобразила, Анну или Зинаиду? Значит, в каждой из них есть и та и другая!

Анна
Ахматова

Автопортрет
в костюме Пьеро (1911)

После триумфального возвращения в Россию мода на Серебрякову стала даже чрезмерной — ей подражали молодые художницы не только в манере письма, но и в манере одеваться и укладывать волосы. Репродукции её картин стали украшать стены многих домов советской интеллигенции, а коллекционеры приобретали полотна за баснословные суммы.

У художницы-эмигрантки, наконец-то, отлегло от сердца: её картины вернулись на родину. Белое движение потерпело поражение, но она победила.

19 сентября 1967 года Зинаида Серебрякова скончалась в возрасте 82-х лет. Она похоронена на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Великой русской художницей называют её сегодня все, кто о ней пишет.